

Т.В. Корнилова
факультет психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ, ВЫБОР И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕКА (в развитие смысловой теории мышления)

В статье рассмотрен принцип неопределенности в его психологических конкретизациях, начатых исследованиями интеллектуальных стратегий в работах О.К. Тихомирова, положенный в основу представлений о единстве функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека, саморегуляции его решений и действий и модели множественной функциональной и многоуровневой регуляции выбора.

Ключевые слова: принцип неопределенности, субъективная неопределенность, выбор, динамические регулятивные системы, саморегуляция, метакогниции, личностные ценности.

Понятие неопределенности. Неопределенность в методологии науки и психологии

Неопределенность выступает сегодня не только новым методологическим принципом научного познания, но и как понятие включается в построение ряда психологических теорий, выдвигающих в качестве предмета изучения сознание и мышление, личностное развитие и саморегуляцию. Психологи начали его использовать задолго до формулирования принципа неопределенности в рамках общенаучных методологических трактовок, предложенных при утверждении принципов неклассической рациональности, теории саморазвивающихся систем и других направлений осмысления изменений научного познания в XX веке (Зинченко, 2007; Корнилова, в печати (б)).

В развитии методологии деятельностного опосредствования обращение к представлениям о преодолении субъектом

неопределенности связано с возможностью понимания его *активности* как функционально опережающей развертывание деятельностных структур (Корнилова, Тихомиров, 1990; На пути к толерантному сознанию, 2002; Петровский, 1992; Смирнов, 1985). Разработанное в теории О.К. Тихомирова представление о *субъекте мышления* как источнике любых форм активности при преодолении *субъективной неопределенности* (1969; 1984) позволяет рассматривать его концепцию как одну из тех, в рамках которых принцип неопределенности был включен в качестве частонаучного в построение психологического объяснения.

На уровне общенаучной методологии на рубеже XX–XXI вв. было обосновано новое понимание принципа *индетерминизма*, положившего «конец определенности» на основе «объективистской интерпретации вероятности» и означавшего

распространение закона возрастающей энтропии (второго закона термодинамики) на эволюционное описание саморазвивающихся систем в работах нобелевского лауреата И.Р. Пригожина. *Неопределенность* выступила теперь в следующей ее трактовке: сдвиг равновесия в неустойчивой системе приводит к тому, что из множества возможностей развития системы реализуется лишь одна¹. Обращение к категории неопределенности оказалось связанным с проблемой *методологических заимствований*, рассмотренных в отношении принципов *дополнительности* и *неопределенности*, сформулированных в первой трети XX века и изменивших физическую картину мира вследствие раскрытия закономерностей микромира при формулировании квантовой теории (Завершнева, 2001). Именно с этим периодом связывается научная революция, в ходе которой был выдвинут новый — по отношению к классической картине мира, характеризовавшей стадию классической науки, — неклассический идеал рациональности. До работ Пригожина принцип неопределенности иным образом обсуждался в работах М.К. Мамардашвили (его «лямбда» понимания). В методологии психологии принцип неопределенности был положен в основу нового понимания *объективности* психологического знания, предполагающего отказ от классического представления об идеальном Наблюдателе как не искажающем продуцируемое знание (Зинченко, Мамардашвили, 1977). Однако до недавнего времени психологические исследования не были специально направлены на развитие принципа неопределенности.

¹ «Сценарий дальнейшего развития системы не может быть вычислен заранее, более того, эволюцию системы можно описывать только в таком пространстве, которое зависит от ее динамики, т.е. это пространство, или ландшафт будущих событий, также образуется в точке неопределенности» (Пригожин, Стенгерс, 2000, с. 17).

Можно спорить о том, где именно зародился принцип неопределенности, который в философии науки стал выступать не менее значимым, чем принцип детерминизма. Можно обсуждать различие в его трактовках в естественно-научном познании и психологии. Но нельзя не замечать, что понятие неопределенности становится сегодня также включенным в принципы, раскрывающие специфику организации психологических теорий и исследований. В контексте современных поисков в психологии можно подчеркнуть чрезвычайно важную прогностическую роль тех направлений, которые связали психологические теории с утверждаемым новым принципом — принципом неопределенности, ограничивающим роль принципа детерминизма именно в тех направлениях, которые связаны с активностью человека как познающей и действующей личности, отвечающей за свои решения и поступки.

Отметим те направления, где конструкт неопределенности выступил в качестве необходимого термина. В исследованиях мышления, выбора как принятия решений и в моделях риска было введено различие *объективной* и *субъективной неопределенности* (Канеман, Словик, Тверски, 2005; Тихомиров, 1969), рассмотрение преодоления неопределенности как процессов, отражающих *ситуационную* и *личностную*, эвристическую и интуитивную регуляцию мышления и выбора (Козелецкий, 1979; Корнилова, 2003; Gigerenzer, 2008), а также понимание *толерантности к неопределенности* как важнейшей психологической характеристики бытия человека в современном мире (Психодиагностика толерантности личности, 2008; Корнилова, в печати (а)). Все это можно считать истоками формулирования *принципа неопределенности* в самих психологических исследованиях, конкретно-научное прочтение которого закономерно вызывает вопрос о том,

кто и каким образом преодолевает неопределенность? Ответы на него связаны с выделением тех предметных областей, где человек выступает как действующий, мыслящий и принимающий решения в условиях неопределенности. Наметим основные линии психологического раскрытия принципа неопределенности в психологии мышления и выбора.

От когнитивной к личностной регуляция принятия неопределенности

О.К. Тихомиров использовал измерения *энтропии* в анализе регуляции процесса формирования искусственных понятий (1969). Однако изначально уже в этом его комплексном исследовании понятие неопределенности содержательно видоизменилось, поскольку, отталкиваясь от когнитивного его наполнения (воспринятого с работами Дж. Брунера), Тихомиров ввел изменение субъективной неопределенности в более широкий контекст *множественной* регуляции интеллектуальных стратегий (эмоциональными предвосхищениями, операциональными смыслами и т.д.). Разработка проблем субъекта мышления, особенностей интеллектуальной деятельности в век новых информационных технологий, представлений о принятии решений как опосредствовании выбора разными психологическими процессами (мышлением, эмоциями, волей) привело к выделению новых *конструктивных* функций понятия субъективной неопределенности в психологии.

Изменение методологических критериев *рациональности* также существенно повлияло на смену постановки проблемы интеллектуальных решений человека: от поиска психологических механизмов *рациональных выборов* к контексту *преодоления неопределенности* при выборах человека (от ситуационных до жизненных). Назовем ведущие когнитивные подходы, в которых произошел отказ от понимания

«рационального» как только рефлексивного или дискурсивного опосредствования решения, или выбора. Это подходы: 1) Г. Саймона, 2) Д. Канемана – А. Тверски, 3) Г. Гигеренцера, 4) Д. Дёрнера. Указанные авторы использовали понятие неопределенности для обоснования психологической регуляции мышления в решениях *открытых* задач, или *problem solving*, в *комплексных* проблемах и в ситуации выбора в *закрытых* задачах, или *decision making*. Их позиции кратко приведены нами в публикациях, сопоставляющих разрабатываемые ими положения с представленными в российской психологии направлениями изучения мышления и интеллектуального опосредствования решений (Корнилова, 2005; 2008). Там же проанализировано различие в методологических основаниях двух отечественных концепций принятия решений (ПР). На их примере обсуждалась вариативность путей построения психологического знания в связи с ориентированностью на разные методологические принципы: жесткая *заданность* (А.В. Карпов) или *неопределенность* психологических структур регуляции ПР (Т.В. Корнилова); постулирование *множества уровней* опосредствующих ПР процессов и проверка гипотез об *открытости* их иерархий, с одной стороны (Т.В. Корнилова), или *закрытых регулятивных профилей* – с другой (А.В. Карпов); превалирование *морфологической* (структурной) или *динамической* парадигмы в понимании регуляции решений как выборов в условиях неопределенности.

Принятие проблемы как первый этап решения мыслительной задачи означало в смысловой теории и первый этап становления единства интеллектуальной и эмоционально-смысловой сфер (Тихомиров, 1984). Переход к проблематике *интеллектуальных решений как выборов в условиях неопределенности*, с одной стороны, усиливал звучание этого единства (Корнилова,

Тихомиров, 1990), а с другой – высветил недостаточную разработанность проблемы *личности как автора своих решений*, принимающей за них ответственность.

В психологии в этой связи можно указать параллельное развитие двух примыкающих к области исследования мышления тем. К первой следует отнести работы, в которых на первый план выдвинуты проблемы *самодетерминации* и *саморегуляции*, существенно углубляющие представления об активности субъекта и развивавшиеся в отечественной психологии как в парадигмах культурно-исторического и деятельностного опосредствования (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), так и в рамках других подходов, в частности информационного (О.И. Конопкин²); ко второй – разработку проблематики *морального выбора*, включающей исследования *самосознания личности* и ориентировку на *ценностные* основания выбора (вплоть до появления термина «моральный интеллект»).

Развитие представлений о принятии человеком неопределенности в рамках психологии личности связано с раскрытием роли *личностных ценностей*. В последние годы жизни О.К. Тихомиров называл исследования личностных ценностей диапазоном преодоления социологизаторских подходов к пониманию личностного развития (1992). Дифференциация двух понятий – *смыслов* и *ценностей* – была им заявлена как необходимый второй контекст (наряду с первым – обращением к «сознательной» личности) общепсихологической концепции развития личности. В последующем был осуществлен новый поворот в рамках проблемы взаимосвязи эмоций и мышления – обращение к моделям *эмоционального интеллекта* (ЭИ),

в разной степени подчеркивающих связь его со способностями или эмоциональной сферой.

В рамках разработки этой проблемы нами было проведено специальное исследование (Корнилова, Новотоцкая-Власова, 2009). Основным вопросом, на которое оно помогло ответить, стал следующий: зависит ли ЭИ от уровней развития *нравственного самосознания* личности, или, напротив, развитие ЭИ выступает предиктором достигаемых личностью уровней морального развития? Использование средств структурного моделирования позволило установить направленность влияний именно со стороны *принятия личностных ценностей*, предполагающих ориентировку на другого человека, на уровне развития *межличностного* и *внутриличностного ЭИ*, а не наоборот. Но построение модели оказалось невозможным без введения латентной переменной *принятия неопределенности*. Представленность ее в переменных, диагностируемых разными личностными опросниками, раскрыта в специальной работе (Корнилова, в печати (а)). Отметим только, что среди них ведущую роль занимают *толерантность к неопределенности*, *готовность к риску* и *интуитивный стиль*.

Общий вывод из этого и ряда других наших исследований, в которых понятие неопределенности выступает уже не чисто интерпретационным, а предполагает операционализацию *латентной переменной принятия неопределенности и риска*, заключается в следующем: принятие человеком ценностей, соотносимых с высшим уровнем личностной регуляции, необходимо связано со сформированностью готовности и умения принимать неопределенность как условие своих действий и решений. Таким образом, нет личностной саморегуляции без компонента принятия неопределенности. Это согласуется с теми направлениями работ в психологии развития и образования,

² Дальнейшее развитие этой линии в работах В.И. Моросановой шло по пути сближения с проблематикой индивидуального стиля деятельности (поведения) и психологии субъекта.

которые свидетельствуют о необходимости предоставления определенной свободы ребенку в самоопределении по отношению к системе прививаемых ему (обществом, семьей) ценностей, поскольку без такой автономии невозможна зрелая личность, которая в системе взаимоотношений Я–Другой руководствуется *личностными ценностями*.

Другим контекстом, связующим представление о *верхних уровнях* психологической регуляции выбора как связывающих процессы интеллектуального и личностного опосредствования, выступило в последние годы обсуждение роли *метакогниций* и содержание психологического понятия *саморегуляции*. Как мы покажем далее, раскрытие понятия саморегуляции также предполагает введение конструкта неопределенности. Однако сначала раскроем понимание метакогниции в концепции Л.С. Выготского с целью его отделения от множества наслоений, возникших в другие исторические этапы развития психологии.

Метакогниции в концепции Л.С. Выготского и активность субъекта мышления и выбора

Роль метакогниций как специального уровня конструктивной активности субъекта по управлению своим мышлением и выбором, имманентно включающей опору на надындивидуальные средства (будь то когнитивные или личностные образования), наиболее выражена в разворачивании тех процессов, которые не вошли в классификации натуральных или высших психических функций. Это регуляция процессов целеобразования, ПР и ряд других, которые в рамках другой психологической школы получили название *интегративных*³. Именно исследования

целеобразования и принятия интеллектуальных решений специфичны для понимания единства интеллекта и аффекта в психологической концепции, развиваемой в школе О.К. Тихомирова. В них преодоление неопределенности выступило необходимым условием саморегуляции, а поставленная В. Джеймсом проблема «я мыслю» или «мне мыслится» снималась на основе микроструктурного анализа взаимодействий когнитивных и личностных компонентов регуляции мышления, функционирующих как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровнях.

Использование методологии культурно-исторической концепции означало здесь одновременно и расширение ее интерпретационного поля, и экспликацию в ней самой моментов, требующих развития дополнительных теоретических построений. Сейчас остановимся на том ее аспекте, который выделяется в качестве существенного завоевания отечественной методологии в современных зарубежных теоретических исследованиях.

В последнее время в зарубежной психологии интерес к концепции Л.С. Выготского прямо связан с идеей саморегуляции. В качестве примера приведу статью американских авторов, которые отметили возрастание роли конструктов *метакогниций* и *саморегуляции* в психологии (Fox, Riconscente, 2008). Это требует, по их мнению, сделать соответствующие конструкты более четкими. Предложенный ими путь — обращение к более ранним концепциям, в рамках которых соответствующие представления созрели. Этим обосновывается необходимость сравнений теорий В. Джеймса, Ж. Пиаже и Л.С. Выготского, в которых метакогниции и саморегуляция представлены как четко отличимые, но взаимосвязанные психологические реальности, причем взаимосвязанные как

³ В данном случае мною не разделяется представление о *метауровне* как третичном, надстраиваемом над названными процессами. Этот особый уровень не должен надстраиваться над другими процессами, как это полагается рядом

авторов, поскольку возникает в иерархиях всех взаимосвязей (а не над ними).

в плане развития, так и функций (в мышлении и поведении). Учитывая проделанную теоретическую работу коллег, можно, однако, ожидать (как это было представлено в развернутой в 1999–2000 гг. на страницах ведущих отечественных психологических журналов дискуссии с М. Коулом) несовпадений привычных трактовок с интерпретацией, накладываемой на концепцию при взгляде на нее с других методологических позиций.

Обобщение сознательного опыта познающего и действующего субъекта и представлено, по мнению американских психологов, в конструктах метакогниций и саморегуляции. Не раскрывая отображения этих двух понятий в работах Джеймса и Пиаже, отметим вслед за авторами специфику подхода Выготского. Учтем при этом терминологические различия, поскольку с метакогницией связывается опосредование (*Medium*), а с саморегуляцией – активность в опосредствовании (*Agency*). «Для Выготского метакогниция и саморегуляция, – пишут наши американские коллеги, – полностью взаимосвязаны, интенциональность саморегуляции предполагает осознанность, а контроль (необходимый для осознания) предполагает саморегуляцию» (Fox, Riconscente, 2008, с. 377; перевод мой. – Т.К.). *Метакогниция* означает при этом осведомленность о структурах мыслительных процессов и о том, как направлять и контролировать мышление с помощью знаков.

Упущение в рассмотрении взглядов Л.С. Выготского зарубежными коллегами можно видеть в том, что *саморегуляция* не связывается ими применительно к культурно-исторической концепции с представлением о возможности, заключенной в психотехническом контексте использования стимулов-средств, что подчеркивал в другом аспекте А.А. Пузырей (1986).

Для контекста активности человека в преодолении неопределенности важным

представляется следующее. Орудийное использование знака, если следовать концепции Выготского, всегда задано только как *возможность* (как и мысль, которая есть лишь *возможность* или *акт*, согласно М.К. Мамардашвили). Мысль случается, мысль *самопричинна* – это означает только то, что она не детерминирована извне. С точки зрения внутренних условий ее возникновения для перехода от ее потенциальной возможности к становлению – актуалгенезу мысли – можно выделять множество предпосылок. Отметим в них лишь два аспекта, означающих необходимость преодоления субъектом мышления неопределенности. Первый из них – незаданность целевых структур, предполагающих как произвольное целеобразование, так и неосознаваемые уровни становления целей (как осознанных предвосхищений). Второй – незаданность *регулятивных* профилей, функционально и динамически складывающихся при взаимодействиях когнитивных и личностных процессов регуляции мышления (и выступающих разноуровневыми новообразованиями).

В нашей совместной работе О.К. Тихомиров согласился с необходимостью выделения предвосхищений *доцелевого* уровня как ведущих, в частности в системах интеллектуальных решений на основе использования компьютерных данных (Корнилова, Тихомиров, 1990). После тщательной систематизации им видов и функций целеобразования в мышлении это могло выглядеть уступкой подходам, отстаивающим не деятельностное понимание активности, если бы не другая базовая идея, положенная в основу интерпретации ряда циклов экспериментальных исследований. Это идея *преобразования внутренних структур мыслительной деятельности* на основе использования человеком новых типов психологических орудий. В специальной статье он прекрасно изложил эту идею развития положений культурно-исторической

концепции в условиях использования новых информационных технологий (Тихомиров, 1983). Она являлась для него закономерным обоснованием необходимости обращения к категориям ситуации «прамы» и совместной деятельности.

Эта идея, понятая как принцип *надындивидуального опосредствования* мышления, существенно отличает его представление об индивидуальном опыте субъекта по сравнению с любыми другими концепциями строения когнитивной сферы. Она отличает школу Тихомирова и от тех теорий мышления, где идея активности субъекта оказывается ведущей именно в связи с апелляцией к процессам целеобразования. Так, немецкий психолог В. Маттеус, приведя программу О. Кюльпе, выступил с обоснованием сходства подходов вюрцбургской школы и реализованного в школе Тихомирова при изучении целеобразования в мышлении (Маттеус, 1995). В ответной статье была обоснована принципиально другая линия построения психологического объяснения в понимании *активности* субъекта мышления в школе О.К. Тихомирова (Корнилова, 1995).

Принцип социальной детерминации мышления, согласно А.А. Смирнову (1975), относился к развитию мышления в культурно-историческом становлении человечества. Но его нельзя буквально применять к актуалгенезу мышления индивидуального субъекта, хотя этот последний и использует надындивидуальные средства мышления.

Использование стимулов-средств задает *возможность*, но не *детерминирует* способы и тем более результаты преобразования внутренних структур мышления. Доцелевые предвосхищения, операциональные смыслы и другие новообразования, подготавливающие становление целевых структур, включены в общие контуры саморегуляции мышления человека. При таком понимании снимается дихотомия наличия-отсутствия ведущей

регулятивной роли субъекта мышления. Принятие идеи *множества* источников регуляции⁴ позволяет видеть решение этой проблемы в предположении о неопределенности становления многоуровневых регулятивных профилей, образуемых по ходу решения мыслительной задачи.

Принятие неопределенности в контексте саморегуляции

Предположение о неопределенности — как незаданности диспозиционными или ситуационными предпосылками — *динамических систем* регуляции мышления в его актуалгенезе (или реализации на каждом этапе одной из многих возможностей) возникает в связи с намеченным в концепции Л.С. Выготского представлением о саморегуляции как *автостимуляции*. Кроме того, оно вытекает из отказа от идеи *неограниченной рациональности* субъекта мышления.

В послесловии к книге Ю. Козлецкого, посвященной построению теории принятия решений, профессора: психологии — О.К. Тихомиров, и логики — Б.В. Бирюков, — выделили те аспекты, которые делают неприемлемыми для построения психологического объяснения решений модели, которые имеют нормативный характер и исходят их представления об ЛПР (лице, принимающем решения) как системе, действующей по определенным правилам для реализации заданной целевой функции (Бирюков, Тихомиров, 1979).

Ведущий немецкий психолог Г. Гигеренцер в ином контексте обосновывает утверждение, что теории, предполагающие неограниченную рациональность, из-за нехватки психологического реализма должны называться «как если бы»

⁴ Это можно рассматривать по аналогии с представленной в концепции системной детерминации идеей М.К. Мамардашвили, когда им вводится представление о неклассическом идеале рациональности (1984).

теориями, или «квази-теориями». Они не могут претендовать на описание реально протекающих процессов когнитивной и моральной регуляции решений человека, а лишь дают представление, как бы повел себя человек, обладай он всеобъемлющим знанием, неограниченным временем и безошибочными способностями к обработке информации.

Необходимость оставить человеку возможность принятия проблемы и *самостоятельного выбора*, как и утверждать *множественность источников* процессов, опосредствующих *саморегуляцию* интеллектуальных стратегий – общее звено в концепциях Дернера, Гигеренцера и Тихомирова, сознательно использовавших понятие неопределенности для представления новых принципов психологической регуляции мышления. Преемственность между ними прослеживается и в другом. Гигеренцер, как и Тихомиров, отводит существенную роль эвристикам в мышлении (Gigerenzer, 2008; Kurz-Milcke, Gigerenzer, 2007). Вклад О.К. Тихомирова в разграничение непсихологических и психологических подходов к *эвристическому мышлению* хорошо известен. И общепринятым можно считать понимание эвристики как понятия, вводящего контекст неопределенности в понимание регуляции поиска и его результата при эвристическом мышлении. Остановимся на менее устоявшемся контексте понимания психологической регуляции решений.

Развитие представлений о субъекте мышления как личности, принимающей решения в условиях неопределенности, легла в основу обоснования идей многоуровневой и множественной регуляции процессов, взаимодействующих в становлении выбора (Корнилова, 2003; 2008). При этом *множественная регуляция* не обязательно должна быть понята как постулирование множественности центров индетерминизма. Индетерминизм может быть соотнесен с уровнем активности для

целостного представления о субъекте, который доопределяет ориентиры своих действий и решений. И это будет предполагать также выход в другие объяснительные контексты – культурно-исторической и деятельностной детерминации сознания, *субъективного принятия неопределенности* и преодоления ее посредством *саморегуляции*.

С множественной регуляцией выбора связан принцип *открытости* динамических структур саморегуляции, фиксирующих новообразования регулятивного профиля, состоявшегося как одна из возможностей при том или ином актуалгенезе выбора. *Открытость* человека – то радикальное отличие, которое не позволяет проводить прямые аналогии в возникновении *неклассических* ситуаций в рамках физики и психологии, что специально рассмотрено в работах Е.Ю. Завершневой⁵ (2001).

О.К. Тихомиров не использовал в построении психологических объяснений представлений о неклассическом идеале рациональности. Но отталкиваясь от его работ, а также прочитывая в современных контекстах развития психологической науки работы Л.С. Выготского, можно видеть связь понятий *саморегуляции* и *принятия неопределенности*. Последнее понятие предположительно фокусирует активность, результатом которой выступают те динамические иерархии *новообразований*, которые интегрируют когнитивные и личностные компоненты и уровни регуляции мышления и выбора; тем самым для саморегуляции не следует предполагать специальных источников (Корнилова, 2009).

⁵ Для психологии такой неклассической ситуацией становится, например, изучение регулирующей функции эмоций или структурирующей функции мотива в мыслительной деятельности (аффект и интеллект разведены в классической психологии по разным «ведомствам» регуляции мысли и действия).

Конструкт саморегуляции оказался наиболее удобным для «заякоривания» второго полюса принятия неопределенности (если первым считать именно принятие) – полюса ее *преодоления* субъектом, являющимся человеком разумным и лично ответственным за осуществляемые выборы.

Встает, однако, вопрос, каким образом понятие саморегуляции связано с уровнем самосознания личности. В теории деятельности А.Н. Леонтьева предполагается тот *полюс субъектности*, который в других теориях фиксируется понятием Я. Его трактовки в философии требуют специального сопоставления (Персональность..., 2007). Но в психологической концепции саморегуляции речь идет несколько об ином. В отличие от такого «стратегического» назначения *чистого Я* как терминологического отражения чистой субъективности – субъективности субъекта (Молчанов, 2007), Я в психологии саморегуляции – это не допущение, не эмпирическое Я и даже не Я как составляющая самосознания личности. Это единство субъекта, не заданное «объективной точкой» в сознании, не собственно Я реального опыта (как основы этого единства), а *единство интеллектуально-личностного потенциала* и его реализации в реальных актах деятельности и мышления.

Уже А. Бергсон писал о том, что кажущийся *свободным* выбор на самом деле предопределен всем *предшествующим личностным развитием* человека (Бергсон, 1992). Учитывая это, можно сказать, что *саморегуляция* требует не предположения о Я как ее носителе, а предположения о взаимосвязанности оснований совершенных и будущих актов выбора.

Термин «саморегуляция личности» означал бы фиксацию более узкой области складывающихся смысловых иерархий субъекта, как и Я в качестве компонента самосознания отграничивало бы

неосознаваемые его составляющие. В более же широком термине «саморегуляция субъекта» второе слово уже становится необязательным, поскольку первое всеобъемлюще охватывает все возможные формы субъектной активности, направленные на образование регулятивных профилей в отношении своего Я. *Саморегуляция* как термин, относимый к *новообразованиям субъекта* в актуалгенезе его выборов и решений, учитывает взаимодействия когнитивных и личностных составляющих в *динамических регулятивных системах* (ДРС), интегрируемых не только на уровне самосознания личности, но и всей динамикой множественной и многоуровневой регуляции выбора. Так понимаемый конструкт саморегуляции может выступать в качестве того категориального звена, которое является связующим для принципов единства сознания и деятельности, неопределенности и активности.

Единство интеллектуально-личностного потенциала в психологической регуляции выбора

В регуляции выбора человека, будь то выбор рациональный, личностный или моральный, разум и совесть, интеллектуальный и личностный потенциалы функционируют не автономно, а в единстве. Принятие принципа неопределенности позволяет представить «вершинное» измерение этого функционирования – по выраженности новообразований, фиксирующих динамику и результаты достигаемых личностью высот саморегуляции. Согласно развиваемой модели *множественной и многоуровневой регуляции выбора, интеллектуально-личностный потенциал* следует рассматривать не в качестве «мешка» с опущенными туда *ресурсами* (мотивационными, когнитивными и прочими) и тем более не в качестве автономно функционирующих «процессов саморегуляции». Его психологическое «изображение» в такой «вершинной» модели

должно быть выражено по оси не вниз (в глубину ресурсов), а вверх – в область функциональных *новообразований*, позволяющих оценивать потенциал человека посредством достижений в актуалгенезе психологической регуляции его выборов.

О *выборе* следует говорить в тех случаях, когда человек сохраняет достаточную степень произвольности не только в оценивании альтернатив (или множественных исходов), но и в самоопределении относительно своих личностных ценностей. В актах выбора человек ориентируется не только на исход в развитии ситуации (его решением), но и на понимание того, *кем он станет в результате своего выбора*. Произвольность выбора означает принятие человеком той *личностной ценности*, которая будет заплачена за выбор как собственное (авторское) решение проблемы. Согласно выдвинутой нами ранее гипотезе обратимости (Корнилова, 2003), разрешение ситуации неопределенности в результате выбора – это и нахождение той точки необратимости, которая означает, что выбор был сделан, даже если это не фиксировалось внешним результатом (например сообщением решения).

В реконструируемом психологическом понимании регуляции выбора развивались следующие теоретические предпосылки. Во-первых, это выдвинутое О.К. Тихомировым положение о возможности выхода на верхние уровни иерархии в регуляции ПР разных психологических процессов, что позволяет классифицировать выборы как преимущественно интеллектуальные, эмоциональные, волюнтаристские и т.д. (Корнилова, Тихомиров, 1990). Во-вторых, это идея развертывания ДРС как *многоуровневых динамически образующихся и сменяющих друг друга иерархий*, включающих как интеллектуальные, так и личностные составляющие процессуального опосредствования выбора; в структурировании взаимодействий между ними

и представлена активность субъекта, отражаемая понятием саморегуляции и включающая как уровни самосознания субъекта (метаконтроль, рефлексия, Я-концепция, самооценки и т.д.), так и глубинные мотивационные образования, в совокупности определяющие смысловую направленность ДРС.

Наконец, важной предпосылкой выступило развиваемое представление о *функциональном интегрировании* разных составляющих интеллектуально-личностного потенциала. С выделением такой единицы регуляции выбора, как ДРС, связана принципиальная (онтологическая) неопределенность регулятивных иерархий, понимаемая как незаданность структур, на которые опирается субъект в процессе выбора. Только в динамике развития определенных этапов решения, средств принятия проблемы, оценивания ситуации, предвосхищения ее развития и т.д. можно говорить о соотношении уровней самосознания и глубинной мотивационной детерминации, произвольной и неосознаваемой составляющих регуляции выбора, превалировании когнитивной ориентировки или смыслового контекста предпочтения того или иного решения. При этом для самого человека как субъекта своих решений эти составляющие неразделимы.

Развитие представлений об изменении структур мышления под воздействием мотивационно-личностных факторов и в результате появления новообразований, фиксирующих взаимодействия личностных и когнитивных компонентов, влекло за собой в развитие исследований в школе Тихомирова реализацию разных методических подходов к анализу и к идентификации мотивационных образований как в ходе, так и до или безотносительно к ситуациям решения проблем. Не повторяя изложенных в общей статье результатов этих исследований, отметим становящийся все более важным аспект

регулятивной функции самосознания личности. Он в современных работах получил новое звучание в раскрытии процессуальных связей целеобразования с уровнем *имплицитных теорий* субъекта (Корнилова и др., 2008). В постановке целей человеком присутствуют как предположения о себе самом (как аспект достижимости тех или иных целей для себя), так и те житейские представления о психическом, об интеллекте и личности, которые позволяют ему ставить перед собой так или иначе ориентированные цели.

Таким образом, раскрытие психологических оснований единства интеллекта и аффекта предполагает принятие принципа неопределенности и постановку исследовательских задач конкретизации динамического функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека в регуляции выбора (решений и действий).

Заключение

Формирование нового принципа понимания мира, картины мира и человека в нем — *принципа неопределенности* — имело истоки и в преобразовании научных идеалов рациональности в философии науки, и в развитии в рамках самой психологии проблем детерминизма-индетерминизма, субъективного и объективного, и в построении новых по типу психологических моделей, включивших обращение к неопределенности и открытости в представления о психологической регуляции.

Можно утверждать, что основой разработки новой методологии исследования мышления и принятия интеллектуальных решений в школе О.К. Тихомирова стало переосмысление проблем соотношения детерминизма и неопределенности, деятельностного опосредствования и сознания, субъектной регуляции и личностных оснований выбора. Авторы психологических работ, которые

руководствовались идеями единства интеллекта и аффекта, знакового и деятельностного опосредствования, стали обращаться к понятию неопределенности как к существенно расширяющему и углубляющему возможности психологического объяснения.

Психология принятия интеллектуальных решений выступила одним из тех полей взаимовлияний научных подходов, где предполагается взаимодействие принципов активности, деятельностного опосредствования и принятия неопределенности. Именно в ситуации выбора из альтернатив, которые не только заданы, но и порождаются субъектом (как смыслы), преодоление неопределенности становится его психологической характеристикой. Это понятие связано с представлением о *саморегуляции как преодолении неопределенности выбора* на основе использования человеком всех возможностей своего *интеллектуально-личностного потенциала*.

Саморегуляция как понятие фокусирует полюс преодоления неопределенности и осуществляется посредством *динамических регулятивных систем (ДРС)*, выступающих новообразованиями по ходу решений и выборов человека. ДРС выступают системами иерархичными, процессуально складывающимися и парциальными в отношении связей между потенциальными регуляторными связями для разных этапов размышлений. В других наших публикациях уже освещались положения функционально-уровневой концепции ПР и частные модели многоуровневой интеллектуально-личностной регуляции выбора как принятия и преодоления неопределенности (Корнилова, 1997; 2003; 2007). Сейчас мы добавили к ним размышления, сложившиеся в контексте рассмотрения взаимосвязей смысловой теории мышления и культурно-исторической концепции при введении в понимание психологической регуляции

выбора представлений о преодолении субъектом неопределенности.

Литература

Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собрание сочинений. Т. 1. М., 1992.

Бирюков Б.В., Тихомиров О.К. Принятие решений как предмет методологических и психологических исследований. Послесловие // Ю. Козелецкий. Психологическая теория решений. М., 1979. С. 464–500.

Завершнева Е.Ю. Принципы неопределенности и дополненности в квантовой механике и психологии: проблема методологических заимствований // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2001. № 4. С. 67–77; 2002. № 1. С. 75–80.

Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Человек в ситуации неопределенности. М., 2007. С. 9–33.

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.

Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков, 2005.

Корнилова Т.В. Идеи активности познания в отечественной психологии мышления // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 4. С. 61–72.

Корнилова Т.В. О функциональной регуляции принятия интеллектуальных решений // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 5. С. 73–84.

Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М., 2003.

Корнилова Т.В. Методологические проблемы психологии принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 1. С. 7–17.

Корнилова Т.В. Саморегуляция и личностно-мотивационная регуляция принятия решений // Субъект и личность в психологии саморегуляции / под ред. В.И. Моросановой. Ставрополь, 2007. С. 181–194.

Корнилова Т.В. Методологические проблемы психологии в трудах О.К. Тихомирова и его школы // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2008. № 2. С. 59–73.

Корнилова Т.В. Идея саморегуляции в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского // Психология человека в современном мире: 120 лет со дня рождения С.Л. Рубинштейна. Т. 2. Ч. 1. М., 2009. С. 30–40.

Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности–интолерантности к неопределенности // Психологический журнал (в печати (а)).

Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы // Психологические исследования (в печати (б)).

Корнилова Т.В., Новотоцкая-Власова Е.В. Соотношение уровней нравственного самосознания личности, эмоционального интеллекта и принятия неопределенности // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 61–70.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новотоцкая-Власова Е.В. Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 3. С. 106–120.

Корнилова Т.В., Тихомиров О.К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М., 1990.

Коул М. Культурно-историческая психология. М., 1997.

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984.

Маттеус В. Многоуровневые концепции познания в российской и грузинской психологии // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 4. С. 49–59.

Молчанов В. Опыт и фикции: Поток сознания и гипертрофия Я // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге / под ред. Н.С. Плотникова, А. Хаардта при уч. В.И. Молчанова. М., 2007. С. 41–63.

На пути к толерантному сознанию / отв. ред. А.Г. Асмолов. М., 2000.

Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге / под ред. Н.С. Плотникова, А. Хаардта при уч. В.И. Молчанова. М., 2007.

Петровский В.А. Неадаптивная активность личности. М., 1992.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 2000.

Психологические механизмы целительства / под ред. О.К. Тихомирова. М., 1977.

Психология и новые идеалы научности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 3–42.

Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М., 2008.

Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. М., 1986.

Смирнов А.А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975.

Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985.

Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969.

Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984.

Тихомиров О.К. Понятия и принципы общей психологии. М., 1992.

Gigerenzer G. Moral intuition – fast and frugal heuristics? // Moral Psychology: Vol. 2. The cognitive science of morality: Intuition and diversity / W. Sinnott-Armstrong (ed.), Cambridge, MA. 2008. P. 1–28.

Kurz-Milcke E., Gigerenzer G. Heuristic decision making // Marketing JRM. 2007. N 1. P. 48–60.

Fox E., Riconscente M. Metacognition and Self-Regulation in James, Piaget, and Vygotsky // Educational Psychology Review. 2008. Vol. 20. P. 373–389.